

ПОЛТОРАСТА лет прошло со дня рождения Федора Михайловича Достоевского. Его творчество не просто выдержало испытание временем, но выдвинулось в ряд самых величайших явлений русской и мировой художественной культуры. За 90 лет со дня смерти писателя о нем не только не забывают, но все больше говорят и пишут. На разных языках появились многие сотни книг и многие тысячи статей, посвященных личности писателя и его творчеству. О нем все больше и больше спорят. В основном это споры о том, как надо понимать творчество писателя. Происходит это прежде всего потому, что сами произведения Достоевского обладают исключительным богатством, глубиной, разносторонностью и противоречивостью содержания.

В самом деле, даже в ряду величайших мировых литературных явлений творчество Достоевского отличается своей ярко выраженной уникальностью. Первым, кто осознал эту уникальность Достоевского, был Салтыков-Щедрин. После появления в печати романа «Идиот» он писал: «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком. Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Это сказано по поводу одного романа писателя, но, несомненно, может быть отнесено и ко всему его зрелому творчеству.

Достоевский действительно самостоятельно пришел в первой половине 1860-х годов к такому миропониманию, благодаря которому он всецело отдался, по своему, интересам, сложившимся современное ему пореформенное русское общество. И до конца своей жизни он остался писателем, глубоко социальным по тематике и по конкретной проблематике своих произведений. Бедственное положение народных масс, в особенности городской бедноты, мелких чиновников и интеллигентов, страдающих от материального и нравственного гнета со стороны привилегированных слоев общества, а в еще большей мере быстро углубляющаяся нравственная деградация самих этих привилегированных слоев — вот то, что все более беспокоило и возбудило тяжелую и неизбывную тревогу в сердце писателя.

СО СТРАНИЦ всех романов Достоевского прямо смотрит на нас современная ему русская действительность. Достоевский, по верному замечанию Салтыкова-Щедрина, не только откликнулся так действительно на современные общественные интересы, но при этом «вступал в область предвидений и предчувствий», связанных с «отдаленнейшими исканиями человечества». Дело в том, что в его миропонимании, наряду с основной, социально-исторической стороной, была и другая сторона — философско-моралистическая.

Осознавая растущую нравственную деградацию русских привилегированных слоев, усугубляющую бедственное положение социальных низов, Достоевский видел в этом моральный кризис всего европейского общества, живущего буржуазным укладом жизни. Основными проявлениями этого кризиса он считал начала индивидуализма и связанной с ним рассудочности и расчетливости всего духовного существования и всей деятельности людей. И этим основам жизни западного мира, охватившим и русские господствующие слои, он противопоставлял стихийно-нравственное «братство» людей, лишенное корысти и расчета, которое будто бы искони присуще только русским угнетенным и страдающим социальным низам, русской народной «почве», но которое, по убеждению писателя, может стать когда-нибудь, в историческом будущем основой духовного обновления всего западного буржуазного мира. Это и было «предчувствием» Достоевского, его «отдаленным предвидением», относящимся ко всему «человечеству».

В своих романах писатель и пытался противопоставить морально деградирующим и глубоко испорченным людям из образованных, дворянско-разночинных слоев общества людей, сохранивших в своей душе нравственную чистоту и неспорченность, свойственную, в основном, униженным и оскорбленным. Это — Соня Мармела-

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

дова, или Мышкин, или крестьянин — странник и правдоискатель Макар Долгорукий, или ушедший из барского дома послушник Алеша Карамазов.

Эта основная для автора резкая моральная антитеза героев требовала для себя очень возвышенного, идеального обоснования. Достоевский с полной искренностью все более убеждал себя в том, что индивидуалистический склад духовной жизни человека и неизбежно вытекающие отсюда его эгоистические, расчетливые, корыстные, сластолюбивые стремления таят в себе страшную внутреннюю опасность, что они ведут человека — хотя он это и не сразу сознает — к невыносимому нравственному одиночеству и опустошенности, что они влекут его к внутреннему разрушению и распаду личности.

Единственным путем избежать такого прижизненного самоуничтожения и духовного умирания может быть, по Достоевскому, понимание человеком этого индивидуалистического тупика и вытекающей из него гибели своей личности, осознание совершенных им на этой почве проступков и преступлений, глубочайшее нравственное СТРАДАНИЕ от всего зла, содеянного им другим людям. А единственным путем возвращения человека к внутреннему нравственному союзу с другими людьми, к стихийному «братству» с ними является, по Достоевскому, путь сострадания другим людям, самоотверженности и САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ для них. Реальные страдания угнетенных народных низов писатель сделал высшим мерилом нравственной правды.

ДОСТОЕВСКИЙ потому и стремился с такой глубиной и силой проникнуть в душевные и умственные переживания, во всю противоречивость внутреннего мира тех своих героев, которые или были захвачены индивидуалистической рассудочностью, или закоснели в эгоистических расчетах, корысти, сладострастии, что во всем этом он видел их величайшее нравственное падение. И он беспощадно карал их за это в своем вымышленном, художественном изображении. Он заставлял их погрязать в своей умственной и нравственной развращенности, совершать злодеяния, иногда доходящие до преступления, ожесточенно спорить о принципах их мысли и жизни, содрогаться от неожиданных и тяжелых для них неудач, встреч, происшествий, а нередко даже приходило к самоубийству или впадать в умопомешательство.

В наибольшем, безнадежно нравственном тупике оказываются у писателя герои паразитического, дворянского образа жизни — это Свидригайлов, Ставровгин, а потенциально Версилов. Среди разночинцев и выходцев из дворянства писатель находил людей, способных к нравственному возрождению, — это Раскольников и Иван Шатов, Арнадий Долгорукий и Митя Карамазов. А противопоставленные им всем положительные герои — Соня и Мышкин, Макар Иванович и Алеша — по-разному воплощают в себе идеал нравственной «светлости» — доброты, всепрощения.

Значит, нравственные и безнравственные начала жизни, раскрытые с исключительным гиперболизмом существуют у Достоевского не сами по себе. Они выступают реальными свойствами различных социальных характеров пореформенной России.

Высшим аргументом нравственных исканий и антитезы в романах Достоевского была религия. Но это было не официальное, церковное христианство, а христианство «нагорной проповеди», по существу чуждое всякой догматики и всякого мистицизма и к концу жизни писателя — все более антицерковное. Единственные религиозные размышления его резонеров — Зосимы и Ивана в последнем романе «Братья Карамазовы» — по существу направлены на ревизию церковной религии. Достоевский мог справедливо говорить о себе как о писателе «реалисте в высшем смысле». Именно это с особенной глубиной и силой позволило ему раскрыть существенные свойства общественной жизни своего времени не в «обыденном», а в «исключительном».

ТАКОВО в основных чертах творчество Достоевского в его конкретной многосложности. Но его так часто стремились и стремятся пренебрегать многие литературные критики. Почин этому положили еще представители русского декаданства на рубеже XIX—XX веков, видя в произведениях

писателя некое мистическое начало. Позднее и критика западноевропейского декаданства стала истолковывать Достоевского на тот же лад, и это продолжается до наших дней.

Историческое значение творчества писателя надо понять во всей его объективной сложности. Для тогдашнего русского общества очень важна общая идейная тенденция романов Достоевского. В них вынесен очень резкий **ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР** внутреннему нравственному развалу «верхних слоев» старой России. И он был исторически **СПРАВЕДЛИВ** — в нем таилось довольно близкое «предчувствие» писателя. Нравственная деградация господствующей буржуазно-дворянской слоев была решающим симптомом их недалекой и роковой социально-политической катастрофы. Всего через 36 лет после смерти Достоевского они были вынуждены уйти из национальной жизни, уступив место новым общественным силам, решительно выдвигавшим страну вперед в общем процессе мирового развития. Поэтому романы Достоевского очень много дают для понимания современного буржуазного общества.

Не менее важно и то, что социальные характеры, критически осознанные писателем, ушли в прошлое в своей исторической конкретности, но еще живут в буржуазном мире (а иногда и не только в нем) в своих общих, исторически повторяющихся чертах. Еще немало до сих пор есть на свете раскольниковых и карамазовых, оторвавшихся от всяких нравственных ценностей и доходящих до тяжелых преступлений. Также и старогинных и версильдовых, прикрывающих свою скрытую опустошенность игрой в высокую значительность своих рассудочных концепций. И как часто заявляют о себе в современном буржуазном мире авантюристы, вроде Петра Верховенского, ставящие выше всего успехи своего политического честолюбия.

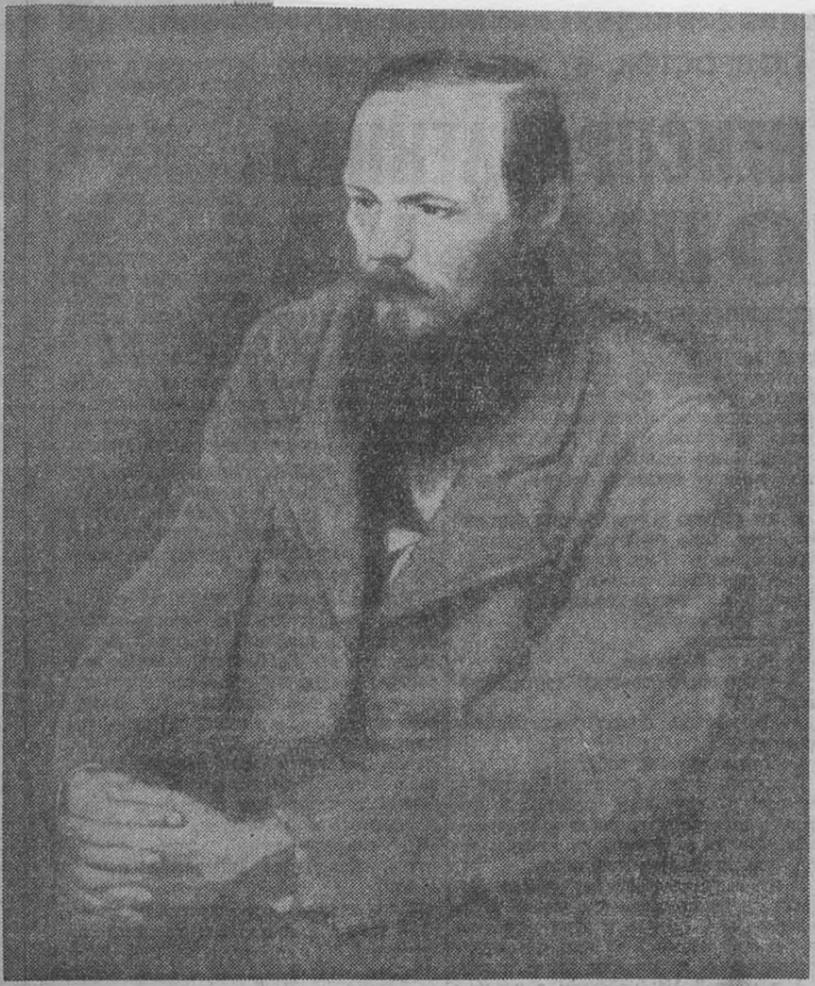
А с другой стороны, разве утратили в наше время свою ценность и положительные нравственные стремления Достоевского, опять-таки, конечно, не в своих конкретных, но в своих общих чертах, и разве не относятся они действительно к «отдаленнейшим исканиям человечества»? Несомненно, общественное сознание людей определяется их общественным бытием, но ведь не механически. Вспомним в этой связи идеалы Достоевского! Конечно, «страдание» как самоубийчицкое «биение себя в грудь» нам не к лицу. Но глубокая нравственная ответственность за других — и в общественной, и в частной жизни — и искреннее тяжелое недовольство собой при ее нарушении для нас естественное. Самопожертвование в смысле слепого порыва к подавлению своей личности для нас неприемлемо. Но способность найти свое личное благо в стремлении к общим, сверхличным целям, в своей активности ради их достижения — это истинный критерий человеческой морали.

Наконец, велико и собственно художественное значение Достоевского в мировой духовной культуре. Созданные им новые принципы изображения жизни — острейший и напряженнейший психологический и сюжетный гиперболизм — были его большим творческим открытием и значительным вкладом в художественный «арсенал» национального и мирового словесного искусства. Одновременно с Л. Толстым он сделал шаг вперед в художественном развитии всего человечества. И многие русские и зарубежные писатели новейшего времени, в разной мере и в своих собственных идеях и творческих целях, берут эти принципы себе на вооружение.

Такое многостороннее и объективное значение творческого наследия Достоевского. Это — наследие передовых общественных движений современности, которое они должны хранить и оберегать от враждебных посягательств.

Г. ПОСПЕЛОВ,

доктор филологических наук, профессор.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ

режиссер В. И. Немирович-Данченко отмечал, что Достоевский всегда «писал как романист, но чувствовал как драматург», каждое его произведение «так и рвется на сцену... так легко, так естественно укладывается в ее рамки, сочетается с ее специальными требованиями и условиями».

Еще в 1917 году К. Станиславский и В. Немирович-Данченко поставили во МХАТе спектакль по повести Достоевского «Село Степанчиково». Недавно театр вновь обратился к этому произведению, создав глубокий по мысли, ярко театральный спектакль (режиссер В. Богомолов).

Событием театральной жизни столицы стал и спектакль Театра имени Моссовета «Петербургские новизны» по роману «Преступление и наказание» (постановка Ю. Завадского).

— Достоевский, предельно обнажая страдания человеческие, чудовищные языки общества, развешивает перед глазами людей образ мрачного, страшного старого мира, — рассказывает народный артист СССР Ю. Завадский. — Но я убежден, что истинного Достоевского не существует без всепронизывающей его веры в человека. Эта его вера так глубока и всеобъемлюща: все высокое и справедливое, призванное спасти человечество, вывести его к свету, миру и счастью, отыскивается им прежде всего в самом человеке. Достоевский верит в силу человеческого духа, любви, изначально свойственной человеку. Я не инсценировал, а сочинял спектакль, следуя не ремаркам Достоевского, а обобщая свое впечатление о нем, о созданном им мире...

Спектакли по произведениям Ф. М. Достоевского украшали и украшают сегодня афиши многих театров страны. Среди лучших постановок — «Идиот» в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького и в Театре имени Е. Вахтангова, «Униженные и оскорбленные» в Свердловском драматическом театре, «Село Степанчиково и его обитатели» в Ленинградском театре комедии, «Преступление и наказание» в театре драмы Латвийской ССР...

НА СЦЕНЕ, НА ЭКРАНЕ

КИНЕМАТОГРАФ уже в первые годы своего существования обратился к экранизации романов Достоевского «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». После этого не проходило десятилетия, когда бы известные мастера экрана не обращались к произведениям классика. Среди первых работ советских мастеров экрана можно назвать фильм Г. Рошаля и В. Строевой «Петербургская ночь», в основе которого были два произведения писателя — «Белые ночи» и «Неточка Незванова».

Не так давно с большим успехом на многих экранах мира прошел фильм И. Пыррева «Братья Карамазовы». Исполнитель роли Дмитрия Карамазова народный артист СССР Михаил Ульянов рассказывает:

— Герои Достоевского ищут правду беззаветно... Когда овладела ими цель, овладело чувство, то пойдут они до конца, и не оставят их ни унижение, ни смущение, поиск истины может надломить их и погубить, но человеку такого склада не остановиться. И не какой-то тут редкостный склад, а характерная русская черта... если любовь у него — так все существо она пронизывает и сожрает.

В прошлом году состоялась еще одна кинопремьера по Достоевскому — «Преступление и наказание».

— Мне Достоевский представляется в конечном счете светлым, глубоко человеческим писателем, — говорит режиссер-постановщик картины Л. Кулиджанов. — Я почти не вижу в нем надрыва, патологических излишеств. Крики, стенания актеров при воплощении Достоевского кажутся мне вовсе не обязательными. Все должно быть просто.

В дни юбилея великого русского писателя Ф. М. Достоевского на многих экранах кинотеатров и лучших сценах страны зрители увидят спектакли и фильмы по его произведениям.

Н. НИКИТИНА, Е. БЕЛОУСОВ.

ПИСАТЕЛЬ И ХУДОЖНИКИ

На последней международной выставке искусства книги в Лейпциге советские иллюстраторы Достоевского были удостоены Золотой медали. В переводе с латинского слово «иллюстрация» обозначает изображение, поясняющее или дополняющее текст. Художники, иллюстрировавшие Достоевского, каждый раз сталкивались с необходимостью истолкования внутренней темы писателя. Каждый художник понимает, что дополнять и пояснять книги Достоевского — задача непосильная. Речь может идти лишь о том, чтобы попытаться найти созвучные Достоевскому современные методы художественного изображения.

К юбилею в залах на улице Горького, 25, открывается выставка «Достоевский и его иллюстраторы». А. Гончаров, художник, много раз обращавшийся к произведениям Достоевского и в графике и на театре, привлекла психологическая и повествовательная сложность «Братьев Карамазовых». В его иллюстрациях — гравюрах на дереве — заметно стремление совместить реальное и фантастическое, выстроить образный ряд на принципах эпической монументальности. В. Горяев с его манерой недоговоренности и ассоциаций иллюстрирует «Идиота» острыми, изысканными по форме рисунками. Свою тему нашел В. Минаев в «Кроткой», подчеркивая силу реалистического мастерства писателя. В работах В. Басова, Н. Попова, В. Заборова, Ю. Перевезенцева, В. Косенкова, А. Васина, В. Пивоварова — стремление проникнуть во внутренний строй произведения, дать свою собственную трактовку прочитанному.

Гр. АНИСИМОВ.

Из иллюстраций к произведениям Ф. М. Достоевского.

- В. Пивоваров. «Игрок».
- А. Гончаров. «Братья Карамазовы» (Катерина Ивановна).
- В. Минаев. «Кроткая».

